Годъ шестьдесятъ четвертый. 17 апрѣля 1902 года.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой въ Н.-Новгородѣ и пересылкой въ другіе города: за полное изданіе (*оффиціальная и неоффиціальная части*) на годъ 6 руб., на полгода 4 руб., за одну оффиціальную или неоффиціальную часть на годъ по 4 р., на полгода по 2 р. 50 к.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ за № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.

№ 16.

Телефонъ редакціи и типографіи № 330.

Статьи и корреспонденція, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Всѣ же прочія —оплачиваются соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд"., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

Нижній-Новгородъ, 14-го апрѣля.

Христосъ Воскресъ!

Сегодня раздался торжественный благовѣстъ, возвѣщающій міру о воскресеніи Спасителя, который воскресилъ великую правду и человѣческую любовь. Если отрицаніемъ поцѣлуя или самымъ поцѣлуемъ современные Іуды предаютъ Христа менѣе чѣмъ за 30 серебренниковъ, то это жалкое, ничтожное исключеніе: въ день Свѣтлаго Праздника было и вѣчно будетъ безчисленное множество истинныхъ, братскихъ и святыхъ поцѣлуевъ, знаменующихъ всепрощеніе, любовь....

Всякій разъ, когда подверженный болѣзнямъ и страданіямъ человѣкъ нуждается въ сердечномъ покровительствѣ живыхъ силъ природы, всякій разъ, когда мы видимъ грубое попраніе правды, всякій разъ, когда насъ заставляютъ истину признать ложью и отречься отъ нея, мы чувствуемъ сердечную боль, утолимую только и единственно путемъ искренней и сердечной вѣры, что съ Воскресеніемъ Христовымъ тѣсно связано воскресеніе любви, Имъ заповѣданной, и правды, Имъ установленной. Пусть міръ полнъ противорѣчій, пусть человѣкъ въ своемъ несовершенствѣ погрѣшаетъ противъ любвеобильнаго Бога, но Онъ же говоритъ намъ, вѣрующимъ въ Него:

„Да не смущается сердце ваше, ибо въ домѣ Отца моего обителей много".

Все преходящее, все дневное, заключающее жизнь человѣческую и всю нашу дѣятельность, не важно и не значительно передъ той великой зиждительной и благой силой, которую мы называемъ Богомъ.

Да, въ Его домѣ обителей много и каждому тамъ найдется мѣсто, какъ бы ни погрѣшалъ онъ страстями земными, лишь бы за него стояло исполненіе заповѣди Божіей: любите другъ друга, какъ самихъ себя.

Вотъ почему нѣтъ праздника выше того, о которомъ уже возвѣщаетъ намъ сегодня торжественный церковный благовѣстъ! Нѣтъ выше понятій, нѣтъ вѣры болѣе радостной, какъ вѣра въ воскресеніе Искупителя міра, смертью смерть поправшаго и свѣтъ намъ показавшаго. Будемъ же добры, милосердны, искренни и просты, отверзимъ сердца наши на добро земное, на поддержку слабыхъ, на успокоеніе страждущихъ, на помощь алчущимъ и несчастливымъ.

Воистину Христосъ воскресъ!

„Христосъ Воскресе!"

Мой другъ! Взгляни, какъ все вокругъ прекрасно,
Какъ животворно льетъ лучи свои весна!
Какъ къ жизни все зоветъ немолчно страстно,
Какою мощью вновь природа вся полна!

* *
*

Мой другъ! Тяжелыхъ снов тревожныя видѣнья
И леденящій холодъ ночи позабудь!...
Пусть солнце юной жизни, въ блескѣ пробужденья,
Прольетъ тепло свое въ твою больную грудь!

* *
*

Мой другъ! Прислушайся: какъ вся природа стройно
Слилась въ хвалебный гимнъ пленительной веснѣ!
Какъ каждый атомъ въ ней, въ гармоніи спокойной,
Вновь обрѣтаетъ жизнь въ безмѣрной глубинѣ.

***

Мой другъ! Отдайся сердцемъ чистымъ,
безъ сомнѣній,
Во власть живительныхъ, таинственныхъ чудесъ,—
Въ груди твоей пусть гимнъ великій возрожденью
Найдетъ отвѣтъ: „Христосъ воистину воскресъ!“

Сфинксъ.

СВЯТАЯ НОЧЬ.

Святая ночь..... Какъ я ее любилъ всегда,—всегда со временъ моего далекаго дѣтства, когда я вѣрилъ, что послѣ этой ночи восходящее солнце играетъ, радуясь воскресенію Христа. Мы, дѣти, бѣгали на гумно, взбирались на скирды соломы и ждали солнца, и, когда оно являлось, намъ казалось, что оно дѣйствительно играетъ, и мы какъ-то пугливо радовались, какъ удивительному чуду. И всегда эта ночь мнѣ была мила и я не помню въ жизни своей года, чтобы я просидѣлъ всю эту ночь дома, чтобъ не пошелъ послушать „Христосъ воскресе“ и не испыталъ особеннаго, таинственнаго волненія и радости. Ярки мнѣ эти воспоминанія въ деревнѣ, въ городахъ, въ Московскомъ Кремлѣ, въ Петербургѣ и даже въ Парижѣ, куда, бывши разъ Великимъ постомъ въ Италіи, я нарочно пріѣхалъ къ самой заутрени въ русской церкви. Мнѣ кажется, еслибъ я сталъ совершенно невѣрующимъ человѣкомъ, я и тогда бы сохранилъ въ душѣ всю прелесть и обаяніе этой чудесной ночи. Не то, что молишься особенно усердно и сосредоточенно, а какъ-то много и сильно чувствуешь и много вспоминаешь. Какъ будто всѣ прожитые годы собираются вмѣстѣ своими тихими радостями и тихой грустью и чувствуется какое-то равновѣсіе въ душѣ, какое-то необъяснимое теплое счастье. Чѣмъ-то таинственно-торжественнымъ является этотъ крестный ходъ вокругъ церкви съ иконами, хоругвями и свѣчами, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ ожидаешь воскресенія Христа и чувствуешь, что онъ воскресъ, когда раздается чудесное пѣніе: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“. И вся служба такая радостная, и такія свѣтлыя ризы, и царскія двери не затворяются, какъ не затворяются райскія двери, по народной вѣрѣ, всю недѣлю и всякая душа, оставившая въ эту недѣлю свое тѣло, идетъ въ рай. И такъ свѣтло въ церкви, и такъ много радости и яснаго настроенія въ лицахъ и такъ веселъ колокольный звонъ. И чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ и разными голосами; и вблизи, и вдали раздаются евангельскія слова, точно невидимое эхо ихъ повторяетъ. Еще мальчикомъ въ деревенской церкви я слушалъ это Евангеліе на французскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ. Точно всѣ народы собрались вмѣстѣ въ эту таинственную ночь, чтобъ радоваться вмѣстѣ, забывъ всякую вражду, радоваться потому, что они братья, потому что Христосъ воскресъ, потому что совершилось чудо изъ чудесъ, и воскресла надежда на лучшую жизнь и на то что когда-нибудь мы всѣ воскреснемъ. И сама природа съ весеннимъ возрожденіемъ точно принимаетъ участіе въ этомъ великомъ праздникѣ Христова Воскресенія.

И Петербургъ мнѣ нравится въ эту ночь съ своими огнями, съ своей иллюминаціей, съ народомъ въ церквахъ и вокругъ нихъ съ пасхами и куличами, съ движеніемъ по улицамъ, съ выстрѣлами на Петропавловской крѣпости, объявляющими о радости воскресенія. Удивительное единеніе всѣхъ въ этомъ великомъ праздникѣ, начиная съ Государя и кончая послѣднимъ бѣднякомъ. Точно сіяютъ лучи Христова ученія въ воздухѣ. И хочется еще больше свѣта, еще роскошнѣйшей иллюминаціи для Царя Царствующихъ, еще больше блеска, любви и радости. Радость дѣлаетъ добрѣе, общительнѣе, милосерднѣе. И я вѣрю особенно въ эту ночь тому, что русскій народъ самый христіанскій народъ въ мірѣ, потому что онъ историческимъ путемъ напитался христіанствомъ больше, чѣмъ другіе христіанскіе народы. Тысячами неизслѣдованныхъ путей онъ собралъ въ своемъ сердцѣ блага ученія Христова и оно сдѣлало его добрымъ, терпѣливымъ, сострадательнымъ, оно внушило ему жалость къ преступникамъ, которыхъ онъ называетъ несчастными, оно заставило его быть милостивымъ и сочувствующимъ всякому прощенію. Нѣтъ ничего хуже вражды и нѣтъ ничего лучше прощенія.

Никогда не исчезнетъ эта Святая ночь, пока Русь будетъ стоять. Никакая европейская цивилизація съ ея ломкой и убѣжденнымъ невѣріемъ не умалитъ высокой поэзіи и христіанскаго настроенія въ эту ночь и въ это прекрасное раннее утро, когда раздаются слова „Христосъ воскресе“ и „Воистину воскресе“ и когда они запечатлѣваются братскимъ поцѣлуемъ и радостью сердца...

С.

Свѣтлый праздникъ.

(Разсказъ).

Викторъ Петровичъ Багровъ около 30 лѣтъ служилъ въ одномъ изъ безчисленныхъ пароходныхъ обществъ на Волгѣ, которое считалось когда-то очень солиднымъ, благодаря тому, что во главѣ послѣдняго стоялъ всемогущій дѣлецъ-милліонеръ. Общество это, однако, въ послѣдніе годы постепенно таяло и наконецъ совсѣмъ растаяло. Остался только „дѣлецъ“ съ властью, еще болѣе могущественной, чѣмъ это было прежде, да куча голодныхъ служащихъ, между которыми Багровъ занималъ первенствующее мѣсто.

Съ знаменательнымъ процессомъ таянія пароходнаго общества совпало тяжелое жизненное испытаніе для семьи Багрова.....

Самъ Багровъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не вставалъ съ постели, пораженный какимъ-то злымъ недугомъ. Съ наступленіемъ весны Викторъ Петровичъ совсѣмъ растаялъ, оставивъ доброе и безукоризненное имя человѣка идеальной честности, 11 чел. дѣтей, старшему изъ которыхъ было 14 лѣтъ, жену съ матерью, капиталъ въ видѣ семи коп. и свой уютный домикъ, родное гнѣздышко, служащее долгіе годы предметомъ особеннаго обожанія всей Багровской семьи.

Однако послѣ смерти Багрова это гнѣздышко послужило предметомъ тяжелыхъ разочарованій и горькихъ драмъ.

Дѣло въ томъ, что домъ оказался въ закладѣ въ частныхъ рукахъ, а частныя руки въ образѣ мѣстнаго кулака, извѣстнаго подъ именемъ „Антихристъ“, сейчасъ же, не успѣли схоронить покойника, прислалъ женѣ предложеніе о немедленной уплатѣ долга или выселеніи.

Отчаяніе и горе Багровской семьи не имѣло границъ.....

Бѣдная мать, у которой осталось 11 человѣкъ, потеряла голову и сама слегла обезсиленная, больная, разбитая..... Никто не откликнулся и никто не помогъ ея горю. Милліонеръ-дѣлецъ, узнавъ о смерти человѣка, работавшаго у него десятки лѣтъ, прислалъ на похороны десять руб. и этимъ ограничилась вся помощь, которую онъ оказалъ несчастной семьѣ.

Но вотъ наступило время, когда приходилось проститься съ родимымъ гнѣздомъ: „Антихристъ“ былъ неумолимъ....

Никакое перо не въ силахъ описать это прощаніе.

И съ этого времени пошла горькая страдальческая жизнь Багровской семьи въ одной комнатѣ сырого подвала, гдѣ можно только страдать и умирать, но не жить.

Такъ оно случилось и въ дѣйствительности: дѣтишки, изнуренныя голодомъ и холодомъ не видѣли въ новой квартирѣ ни воздуха, ни свѣта, хворали и одинъ за другимъ сходили въ могилу; не прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Марья Григорьевна, жена Багрова, схоронила троихъ дѣтей.

И съ чисто христіанскимъ смиреніемъ она переносила тяжелыя невзгоды и часто утѣшала малютокъ:

— Терпите, дѣточки, Господь-милосердный.....

И вѣра въ милосердіе Божіе, откуда черпала силы измученная страданіями осиротѣвшая семья, не обманула ее.

Необходимо замѣтить, что въ городѣ, гдѣ происходило описываемое событіе, проживалъ какой-то безвѣстный благотворитель, котораго всѣ знали подъ именемъ „Барина“. Откуда появился этотъ Баринъ, кто онъ былъ,—никто ничего не зналъ. Баринъ пріѣхалъ въ городъ, жилъ совершенно замкнутой жизнью,—никто его семейной интимной жизни не зналъ,—знали только, что Баринъ одинокій, что онъ часто появляется неожиданно тамъ, гдѣ жили горе и печали, гдѣ лились „людскія слезы“ и онъ, этотъ необыкновенный Баринъ, утиралъ эти слезы и облегчалъ горе.

Баринъ также неожиданно явился въ квартиру Багровской семьи и сначала, оказывая незначительную помощь, точно онъ изучалъ эту страдальческую жизнь, присматривался къ ней.

Марья Григорьевна, встрѣчая въ Баринѣ теплую, душевную отзывчивость и участіе, смотрѣла на него, какъ на Божьяго посланца, и не находила словъ благодарить этого безконечно добраго человѣка.

— Вы никогда не благодарите меня,— скромно и задушевно говорилъ Баринъ,— не я, а Богъ вамъ помогаетъ.....

И Марья Григорьевна горячо молилась Богу за добраго человѣка.

Въ описываемое время Пасха была ранняя; на улицахъ снѣгъ лежалъ настолько прочно, что легко ѣздили на саняхъ. Первые теплые дни начались въ началѣ Страстной недѣли. Прилетѣлъ первый вѣстникъ весны— скворецъ, а съ первымъ вѣстникомъ пошелъ

дождь; крупные хлопья снѣга застилали землю и ту же минуту таяли.

Сыро, холодно и непривѣтливо въ такую пору въ подвалахъ, гдѣ ютится бѣднота, и куда рѣдко заглядываетъ лучъ солнца.

Тоскливо и мучительно сжималось сердце бѣдной Марьи Григорьевны при видѣ молча страдающихъ дѣтей, нерѣдко окружающихъ мать съ видомъ голодныхъ, иззябшихъ галчатъ, которыхъ она старалась поддерживать всѣми своими силами, просиживая за работой дни и ночи и продавая послѣднія крохи, оставшіяся послѣ мужа.

Одинъ только Баринъ зналъ горькую жизнь этой безвѣстной семьи и только онъ одинъ несъ свою помощь въ это жилище скорби и болѣзней. Но первая встрѣча его съ семьей Багрова или вѣрнѣе съ Марьей Григорьевной произошла такимъ образомъ: послѣдняя очень часто ходила на могилку мужа, а оттуда непремѣнно завертывала на другую могилку—свое родное гнѣздо, гдѣ они прожили немало счастливыхъ годовъ. Придетъ, бывало, сядетъ на скамеечкѣ сосѣдняго дома и смотритъ на родной уголокъ, а у самой слезы градомъ текутъ по щекамъ, сердце мучительно ноетъ.....

Разъ случилось, что въ такомъ положеніи встрѣтилъ ее Баринъ и тутъ же, уступая его усиленнымъ просьбамъ, Марья Григорьевна повѣдала ему свое горе.

Съ той поры Баринъ сталъ навѣщать семью Багрова. Оказывая ей скромную помощь, онъ утѣшалъ мать, увѣряя, что скоро придетъ избавленіе и что скоро наступитъ и для нихъ Свѣтлый праздникъ. И дѣйствительно этотъ Свѣтлый праздникъ наступилъ ранѣе,—чѣмъ его ожидали.

Рано утромъ въ Великую субботу ко двору, гдѣ жили Багровы, подъѣхалъ ломовой извозчикъ и ту же минуту въ подвалъ явился Баринъ.

— Ну, Марья Григорьевна, пора и намъ начинать Свѣтлый праздникъ; настрадались мы довольно. Собирайтесь.....

Марья Григорьевна смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Чего вы?.... Собирайтесь сейчасъ; я нашелъ для васъ квартиру и не хочется, чтобы на великій Свѣтлый праздникъ оставались въ этомъ мурьѣ.....

Марья Григорьевна бросилась съ дѣтками укладывать свой немудрый скарбъ. Черезъ часъ извозчикъ подъѣхалъ къ новой квартирѣ.....

Марья Григорьевна была поражена, когда увидѣла, что возъ остановился у воротъ дома, который когда-то принадлежалъ имъ. Блѣдная, какъ полотно, съ глазами, полными слезъ, она растерянно смотрѣла кругомъ, думая, что тутъ случилось какое-то печальное и тяжелое недоразумѣніе. Но въ эту минуту подъѣхалъ Баринъ и..... и все объяснилось.

Этотъ домъ принадлежалъ вдовѣ Багровой....

Разсказывать о томъ, какъ Баринъ устроилъ это большое доброе дѣло, пожалуй, долго и не интересно,—сила въ томъ, что доброе христіанское дѣло было сдѣлано, что горемычная бѣдная семья неожиданно увидѣла снова свой родной кровъ, гдѣ самая обстановка говорила, что тутъ готовилось великое торжество Воскресенія Спасителя, Свѣтлый праздникъ, открывшій свѣтъ и новую жизнь осиротѣвшей семьѣ.

В. С.

Пасхальные обычаи и повѣрья у славянъ.

Свѣтлый Христовъ праздникъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ является дѣйствительно свѣтлымъ, приноситъ съ собой живительное тепло и первые весенніе цвѣты, совпадаетъ съ расцвѣтомъ жизни во всей природѣ послѣ мертвеннаго зимняго оцѣпенѣнія. Въ этомъ переходѣ отъ мрака къ свѣту, отъ оцѣпенѣнія къ жизни, отъ безмолвія и снѣжнаго савана къ яркимъ краскамъ и радостнымъ голосамъ природы, въ этомъ бодрящемъ поворотѣ всѣхъ природныхъ явленій, совпадающемъ съ празднованіемъ Пасхи, славянскія страны имѣютъ большое преимущество предъ тѣми странами, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и неудивительно, что еще гораздо ранѣе, чѣмъ раздалось между славянами ученіе любви, проповѣдь евангельскихъ истинъ, у нихъ сложились издавна народные праздники, пріуроченные къ этому времени года. Введеніе христіанства, изгнавъ мрачный языческій элементъ изъ этихъ народныхъ празднествъ и повѣрій, очистивъ ихъ содержаніе отъ грубыхъ суевѣрій и дикихъ обрядовъ, пріурочило ихъ свѣтлые элементы къ празднованію Воскресенія Христова. Воспоминаніе объ этомъ евангельскомъ событіи—воскресеніи изъ мертвыхъ Сына Божія, проповѣдника любви и жизни вѣчной между людьми, совпадаетъ для насъ, такимъ образомъ, съ полнымъ обновленіемъ природы, съ наступленіемъ весенней поры, когда душа всякаго человѣка невольно настроена къ братской любви и свѣтлой радости,—и потому Пасха для славянъ представляетъ, дѣйствительно, «праздниковъ праздникъ».

Уже со Срѣтенія, когда, по народному выраженію, зима встрѣчается съ лѣтомъ, „щобъ побороцця: кому йты напередъ, кому вертацця назадъ“, а въ особенности со дня Благовѣщенія (когда лѣто «осиливаетъ зиму») начинается у славянъ распѣваніе „веснянокъ“, сопровождаемое различными обрядами, въ которыхъ зима олицетворяется въ видѣ смерти, и воскресающая весна—въ видѣ богини Живы. Впослѣдствіи представленіе объ этой свѣтлой богинѣ слилось въ понятіи славянскихъ народовъ съ мыслью о пресвѣтломъ воскресеніи Праведнаго Солнца—Христа, и весеннія обряды были пріурочены, главнымъ образомъ, къ страстной и пасхальной недѣлямъ. По славянскимъ повѣрьямъ, возвращающаяся весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, мертвящихъ природу, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце или вновь воспламеняетъ его свѣтильникъ и, пожигая снѣжное, ледяное царство зимы, топитъ ее въ стремительномъ разливѣ весеннихъ водъ. Соотвѣтственно такому повѣрью, наступленіе творческой дѣятельности богини Живы издревле обозначалось возжиганіемъ огней. По свидѣтельству Стоглава, раннимъ утромъ въ страстной четвергъ предки наши „палили солому и кликали мертвыхъ“. На Руси день этотъ называется „чистымъ“; крестьяне на сѣверѣ ходятъ въ „чистый четвергъ“ на проруби и выкликаютъ весну, а послѣ „всенощнаго стоянія“ приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты съ цѣлью отогнать злыхъ духовъ. По народному повѣрью, эта „страстная свѣча“, будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громового удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда, облегчаетъ трудно-больнымъ ихъ страданія и т. п. Сербы и чехи называютъ субботу на страстной недѣлѣ „бѣлою“. Бѣлоруссы собираются къ заутренѣ на Свѣтлое Воскресеніе съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и у чеховъ жгутъ въ эту ночь около храмовъ смоляныя бочки, а уголья отъ этихъ бочекъ приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить хаты отъ грома, а домашній скотъ отъ порчи. Во многихъ мѣстахъ на Руси существуетъ повѣріе, что въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, когда запоютъ въ церквахъ „Христосъ Воскресе!“, въ лѣсныхъ чащахъ развerзается во всей красѣ дивный „Перуновъ цвѣтъ“ (у хорватовъ „пероново цвѣтjе», у хорутанъ—«sупсес», у великороссовъ—„свѣти свѣтъ“, или папоротникъ, который въ тотъ же мигъ увядаетъ. Съ этой же Великой ночью связана извѣстная украинская легенда о бѣднякѣ, который хотѣлъ затеплить свѣчу передъ иконами и, не найдя у себя въ печи огня, пошелъ въ поле попросить его у чумаковъ, которые сидѣли у костра и варили себѣ кашу; чумаки нагребли „жару“ руками и насыпали ему въ полу. Воротившись домой, онъ затеплилъ свѣчу, а „жаръ“ высыпалъ на припечекъ; смотритъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто огня на припечкѣ явилась куча червоннаго золота...

Пасхальное утро у полабскихъ славянъ называется tustrot, у лужичаръ tutru, т. е., утромъ, по преимуществу. По славянскому повѣрью, на разсвѣтѣ Свѣтлаго Воскресенія солнце отъ радости пляшетъ и играетъ; на Руси поэтому въ первый день Пасхи крестьяне взбираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. На первый день Пасхи, по народному повѣрью, отворяется свѣтлый рай, и врата его остаются отверстыми во все продолженіе праздника, почему всякій, умирающій на этой недѣлѣ, считается святымъ,—душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоцѣнные клады и горятъ яркимъ пламенемъ (символическое изображеніе появленія золота солнечныхъ лучей изъ-за облаковъ и тумановъ, разсѣянныхъ весенними грозами). Чехи называютъ Святую недѣлю „червонными святками“, а въ черниговской губерніи она слыветъ „гремяцкою“. Съ мыслью объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны два суевѣрныхъ вѣрованія: во-первыхъ, будто во все продолженіе пасхальной седмицы солнце не заходитъ и обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (противъ этого суевѣрія еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ); во-вторыхъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору земля получаетъ даръ плодородія отъ свѣтлыхъ боговъ, сходящихъ на землю. Вѣрованіе это, наслѣдственное отъ временъ язычества, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христосъ и апостолы странствуютъ по землѣ въ видѣ нищихъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Въ смоленской губерніи утверждаютъ, что Христосъ сходитъ на землю въ чистый четвергъ, и потому для встрѣчи божественнаго гостя въ каждомъ домѣ къ этому дню приготовляютъ хлѣбъ, называемый „стульце“. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтлое воскресенье ходятъ по домамъ волочебники и поютъ обрядовыя пѣсни, славя святыхъ Юрія и Николу, что коровъ и кочей „запасаютъ“, Пречистую Дѣву, что засѣваетъ нивы, и Илью пророка, зажинающаго колосистую рожь; всѣ освященныя на этотъ день яства украшаются зелеными цвѣтками брусники; къ такимъ яствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частью зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлью предохранить нивы отъ гра-

да, а частью держатъ въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, чтобы отвратить ударъ грома. Въ костромской губерніи и у лужичанъ въ обычаѣ передъ пасхальной заутреней всходить на колокольни и стрѣлять тамъ изъ пистолетовъ или ружей, что знаменуетъ собою весенній громъ, прогоняющій зиму. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевой водою,—обрядъ, напоминающій сербскую Додолу и символически обозначающій плодотворный дождь (объ этомъ остаткѣ язычества упоминается въ Густинской лѣтописи). Въ великорусскихъ на Красную Горку (въ воскресенье на Ѳоминой или „радуницкой" недѣлѣ), на разсвѣтѣ, сельскія дѣвушки собираются на ближайшій холмъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ средину круга съ хлѣбомъ и краснымъ яичкомъ въ рукахъ и, обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы „закликаетъ" весну: „Весна красна! на чемъ пришла, на чемъ пріѣхала? На сошечкѣ, на бороночкѣ" и т. д.; при этомъ поютъ и другія „весняки". Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на пригоркѣ длинный шестъ съ соломенной куклой, которая вечеромъ сжигается съ пѣснями и плясками. Въ орловской губерніи поселяне на „радуницкой" недѣлѣ „прогоняютъ смерть" изъ своего села, для чего въ полночь дѣвушки выходятъ съ метлами и кочергами и, взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой „Мораною" и т. п.

Въ большинствѣ этихъ повѣрій и обычаевъ побѣда весны надъ зимою олицетворяется въ видѣ торжества свѣтлаго начала надъ темнымъ, а во многихъ изъ нихъ проглядываетъ христіанское чувство любви къ ближнему, столь хорошо согласующееся съ „братскимъ цѣлованіемъ" или „христосованіемъ".

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

(Разсказъ).

Поѣздъ запоздалъ въ дорогѣ и теперь наверстывалъ время. Бѣшено, какъ сорвавшій звѣрь, несся онъ, разрывая желѣзною грудью сгустившуюся темноту и разбрасывая гнѣвные, негодующіе укоры. Мертвыя, заснувшія поля на минуту оживали. Они наполнялись шумнымъ дыханіемъ, гулкими звуками, тревогою, которые захватывали и звонко откликавшуюся промороженную, хотя и обнаженную землю, и черные приземистые лѣсишки, недвижнымъ кольцомъ стиснувшіе просторъ и загадочно перешептывавшіеся о чемъ-то. Но желѣзная злобная волна прокатывалась дальше и перекликалась съ судорожно дрожавшими мостами, переброшенными черезъ извилины рѣки. А сзади гасла жизнь. Море молчанія и холоднаго мрака, угрюмое и страшное, свинцовой тучей смыкалось, падало вслѣдъ за пролетѣвшимъ поѣздомъ и все тонило въ черной безднѣ. Порою, точно разметавъ по вѣтру весь запасъ энергіи, желѣзная змѣя замирала въ изнеможеніи. Тогда къ запотѣвшимъ окнамъ вагона придвигались и любопытно заглядывали въ нихъ станціонные огни. Бушующій и тревожный гулъ смѣнялся мышиной суетней. Тогда хлопали двери, перекликались людскіе голоса, слышно было какъ гудѣлъ вѣтеръ, запутавшійся въ вершинахъ оголенныхъ деревьевъ. И опять тяжко вздрагивалъ локомотивъ, оживали мертвыя звенья поѣзда, колеса съ угрожающимъ ропотомъ рѣзали холодное желѣзо рельсовъ и грохочущая грузная масса смѣло и упорно гнала передъ собою угрюмую ночную тьму...

Народу въ поѣздѣ ѣхало мало. Рабочіе, спѣшившіе на побывку домой къ празднику, мѣщане, мелкіе торговцы.

Было уже поздно. Когда поѣздъ разрывалъ темное пятно, то иногда, какъ зажженная свѣча показывалась вдали сельская колокольня и тихій ласковый звонъ пасхальныхъ колоколовъ трепетно бился въ окна мчащихся вагоновъ. Шла пасхальная заутреня. Я то торчалъ на тормазной площадкѣ, то опять уходилъ въ вагонъ. Тамъ было пусто. Въ одномъ углу, какъ насѣдка, дремала женщина съ тремя маленькими ребятишками, мирно и безмятежно спавшими подъ убаюкивающую пѣсню чугунныхъ колесъ. Въ другомъ сиротливо жался комышкомъ сутуловатый и, повидимому, больной парень съ безпокойнымъ взглядомъ, недоумѣвающимъ и какъ бы вопрошающимъ. Супротивъ меня сидѣло двое пассажировъ. Одинъ, степенный старичекъ въ закрытомъ жилетѣ, съ длинной морщинистой шеей и гладко причесанными волосами, серебряной лентой, затѣнявшими его лобъ. Впалыя щеки его трепетали судорогой, когда онъ оживлялся и голубые глаза загорались юношески-мечтательно.

Другой былъ сплюснутъ, сбитъ, какъ наковальня, кряжистъ и медлителенъ. Широкій затылокъ сливался съ такою-же широкою спиною. Русая борода лопатою закрывала половину груди. Онъ сидѣлъ понуро, оперішись руками о колѣни широко разставленныхъ ногъ, обутыхъ въ сапоги «бутылками». Сосѣди мои тихо разговаривали. Голосъ старичка пѣвучій, протяжный мягко ласкалъ слухъ, слова сыпались бисеромъ. Бородачъ жевалъ слова и онѣ выходили какія-то изжеванныя, оглоданныя, тощія...

Я невольно прислушался къ ихъ разговору. Были они, очевидно, люди знакомые между собой. Какіе нибудь торговые или ремесленные изъ маленькаго городка.

— Тоска ума бываетъ. Это вѣрно... Находитъ эдакое... какъ-бы вамъ сказать... разстройство... Окинешь жизнь-то: для чего она, къ примѣру, почему? Мнешь мозги, а ничего не выдавишь. Душа стономъ стонетъ. И станетъ тогда тебѣ все не мило, разобьешься мыслями... Сна нѣтъ, дома постыло. Къ дѣлу не тянетъ... Ну, а какъ вытряхнешь эти вредныя мысли изъ головы, умъ не шатается, легче станетъ. Чтоже, думаешь,—живу по-христіански, какъ и всѣ прочіе, хлѣбъ семьѣ горбомъ добываю. Нечего жизнь-то перетряхивать. Вонъ она какая большая, а наши мозги выдѣлки неаккуратной... Вотъ кабы озареніе эдакое бывало, ну тогда точно и жизнь перестраивать надо. А вѣдь мы, что лошадь въ оглобляхъ, запрягся и вези своимъ трактомъ,—говорилъ бородачъ.

— На счетъ озаренія это вы неправильно понимаете,—возразилъ старичекъ: Точно что для многихъ оно сумнительно бываетъ. Перстъ Божій всѣмъ намъ дорогу кажетъ да не видимъ мы его... Очинно умомъ-то низменны. По настоящему умъ-то нашъ какъ яблоко легкій долженъ быть, мысли носить легкія, а онъ у насъ паче грязи грязнѣе, тяжелый. Вотъ жизнь-то наша сдохлась и скислась, какъ вода ржавая въ канавѣ... А вотъ на счетъ видимаго озаренія я вамъ нѣкоторый случай разскажу...

Бородачъ отвалился къ стѣнкѣ скамьи и приготовился слушать. Старичекъ вынулъ красный платокъ, вытеръ тонкіе губы и началъ.

— Слышалъ я это отъ людей достовѣрныхъ. На моей еще памяти былъ въ Заозерьѣ попикъ одинъ, отцемъ Евтихіемъ звали. Ветхій, изношенный, въ заплатанной полинявшей рясѣ бродилъ. У всѣхъ отецъ Евтихій въ забвеніи былъ. Служилъ онъ въ церкви кладбищенской. Раньше одно кладбище на весь городъ было и приходъ за кладбищенской церковью числился. «Порядка» три-четыре домовъ мѣщанскихъ по сю сторону рѣки къ кладбищу принадлежали. Но по времени городъ на другомъ берегу рости сталъ, а кладбищенская часть захудала да вымирала по-легоньку. Тамъ и станція желѣзной дороги устроилась, и кладбище новое открыли. А приходъ отца Евтихія совсѣмъ запустѣлъ и къ упраздненію его предполагали. Ждали только, когда Евтихій помретъ. А жилъ онъ въ томъ приходѣ безъ мала 40 лѣтъ. И чѣмъ онъ только пропитывался всѣ дивовались. Отъ мертвыхъ какая польза, какое мзовоздаяніе? И раньше-то тамъ клались люди простого званія. Кто по-богаче, повиднѣе въ монастырѣ хоронился. А какъ открылось новое кладбище, такъ на старое только разныхъ несчастныхъ умершихъ скоропостижною или напрасною смертью изъ полицейскаго управленія и больницы везли да изъ „порядковъ" клали. А въ „порядкѣ" послѣ пожаровъ десятка домовъ не осталось. Да и не дома, а гнилыя рѣшета и жили-то въ нихъ нищіе да горемыки, жизнью затрепанные, затертые...

Такъ вотъ и доживалъ свой вѣкъ кладбищенскій батюшка. И церковка-то у него деревянненькая состарилась, изветшала, на бокъ матушка накренилась, убогая да скудная. Жилъ Евтихій въ домикѣ крохотномъ, заплатанномъ отъ крыши до завалины. Самъ себѣ пищу готовилъ, самъ себѣ одежу чинилъ. Ближніе-то у него, семейные сирѣчь давно по несчастному случаю огнемъ погорѣли. И былъ Евтихій молчальникъ, простецъ разумомъ. Въ городъ развѣ когда по нуждѣ бродилъ, а то все на „порядкѣ" своемъ копошился. Здѣсь онъ, что свой человѣкъ былъ. Такъ къ его тихому поведенію пріобвыкли съ издѣтскихъ лѣтъ, что дивно всѣмъ было-бы хоть день старичка не видать. Онъ и съ больнымъ посидитъ, случится кому и дровецъ наколетъ, съ ребятами хороводится, коли грошъ какой лишній заведется, сюда-же несетъ... А по лѣтнимъ теплымъ днямъ въ огородѣ своемъ копаться любилъ. Пчелу водилъ. Персты-то у него были обожженные, такъ култышки какіе-то, а ничего, справлялся съ землей. И все его труды на потребу того-же „порядка" шли. Ребятишки по саду облазятъ, обдерутъ все до-чиста, обчистятъ. Да и съ грядъ тоже хищеніе было не малое. Утромъ гряда въ убранствѣ красуется, а вечеромъ, смотритъ, словно свинымъ рыломъ земля вдоль и поперекъ разворочена. Пробовалъ псаломщикъ Михеичъ, такой-же древній старичекъ, батюшку вразумлять.

— Вы-бы, батюшка, плетень какой сгромоздили... Все-бы помѣха... Иной черезъ плетень и посовѣстился-бы лѣзть... А то обидно. Вы трудъ несете, а другіе зря пользуются... Соблазнъ одинъ.

— Что же пользуются?... Пусть пользуются... Для этого-то я и тружусь, отвѣчаетъ отецъ Евтихій.

— Это все мальченки негодные... Кабы поймать кого да за вихры, вотъ такъ, да эдакъ, ну глядишь озорство-то бы и пропало,—продолжалъ вести свою линію Михеичъ.

— За чѣмъ за вихры? Они въ жизни-то что видятъ? Горе одно... И безъ насъ они обижены. Нечего намъ-то ихъ обижать. Для ихъ забавы и тружусь. А что они по нетерпѣнію своему незрѣлое оберутъ, такъ и то извинительно...

Вотъ разъ этотъ самый кладбищенскій батюшка и сидитъ въ своей темной конуркѣ,—холодной, неуютной, молчащей. Сидитъ и божественную книгу читаетъ. А было это передъ свѣтлой заутреней. Лампадка передъ образомъ теплится. Ночная темень подъ окномъ стоитъ... Вѣтеръ по щелястымъ стѣнамъ ходитъ.

И стало Евтихію тяжко. Пала тоска молотомъ на его душу. Окинулъ онъ, оглянулъ свою жизнь невеселую и... заплакалъ. Представилась ему комнатка свѣтленькая, уютная... Милый задушевный смѣхъ. Двѣ дѣвочки, розовыя хохотушки, съ блещущими радостью глазками, бѣгаютъ, кружатся, тормошатъ мать, его жену-покойницу, тихую, кроткую, добрую. Она шьетъ что-то у лампы... Скрипитъ дверь, работница идетъ, неповоротливая, неуклюжая съ кувшиномъ. Задѣла ногой за столикъ... Лампа летитъ на полъ. Огненный змѣй срывается съ пола, злобный, бѣшеный, негодующій,—онъ охватываетъ жену, малютокъ... О, никогда, никогда не забыть ему этихъ мучительныхъ криковъ, полныхъ ужаса, нечеловѣческой боли!.. Бунтующій змѣй пощадилъ только его, изуродовавъ ему руки, когда онъ тушилъ горячее платье жены... О, мимо, мимо!.. Эти ужасныя картины... Онъ провидѣлъ сначала два маленькихъ гроба, потомъ большой, гдѣ была забита крышкой его жена...

Вспомнилось Евтихію и то, какъ вымиралъ порядокъ, какъ день за днемъ, годъ за годомъ стиралъ съ лица земли горемыкъ. Темное горе изрѣшило домишки. Крапива пробилась во всѣ щели заборовъ, заполонила опустѣлые дворы. Онъ жилъ бокъ-о-бокъ съ бѣднотой, дѣлилъ пополамъ горе и рѣдкія крохи радости. Много-много на своемъ вѣку проводилъ онъ безвѣстныхъ, истерзанныхъ нуждою на тихую ниву смерти... Почти весь приходъ его лежалъ подъ ветхими крестами вокругъ покосившейся кладбищенской церковки.

Смерть густо засѣяла свою ниву, а всходовъ нѣтъ. Раздумался старецъ и сталъ умъ его смущаться. Ты плакалъ, ты скорбѣлъ, ты несъ тяжкую ношу. Но не втунѣ-ли сіе? И всѣ тѣ, которые лежатъ здѣсь, на нивѣ смерти, всю жизнь мучились, нужда ихъ ѣла, грызла, всю горечь, всю терпкость, всю тяготу жизни они вынесли на плечахъ... И неужели ихъ слезы, стоны, муки, мозоли ни во что вмѣнятся? Гдѣ же мзда воздаяніе?.. Другіе грабительствуютъ, владычествуютъ, насильничаютъ и всѣ имъ блага жизни открыты и они проходятъ свой путь весело, шумно, спокойно. А сирые, кроткіе сердцемъ, любящіе страждутъ, мучаются, бѣдствуютъ. Приходитъ смерть, беретъ и тѣхъ, и другихъ и засѣваетъ свою борозду. Но отчего сокрыты отъ насъ всходы?.. Тяжки сомнѣнія и крѣпкую вѣру они подтачиваютъ, какъ черви точатъ древесные корни... Раздумался такъ-то Евтихій и не замѣчаетъ, что время уже къ полуночи передвинулось. Слышитъ кто-то окномъ постукиваетъ. Выглянулъ, Михеичъ стоитъ.

— Обряжайся, батюшка, пора и къ службѣ ударять...

А Евтихій мыслей досадительныхъ стряхнуть не можетъ. Какъ паутина они мозги ему опутали. Обряжается, а самъ думаетъ: для кого и службу-то править? Развѣ для покойниковъ... Кто теперь на кладбище пойдетъ?..

И вспомнилась ему церковь почернѣвшая, холодная, скудно освѣщенная... Соберется десятокъ—другой стариковъ, старухъ изъ „порядка". Изъ города идти некому. Первое дѣло мостъ на рѣкѣ поврежденъ ледоходомъ, а второе кому охота по топучей трясинѣ грязь мѣсить. И пѣніе истово справить некому. Такъ это все бѣдно и убого выйдетъ, на торжество не похожее. И еще грустнѣе защемило у него сердце... Обрядился онъ, вышелъ. Тьма кромѣшная. Холодный дождикъ гвоздитъ землю. Глянулъ за рѣку столпами огненными церкви горятъ, точно бисеромъ усаженными разноцвѣтными фонариками. Оборотился къ оградѣ стоитъ его церковка, будто вдовица сирая. Двѣ-три плошки чадятъ у паперти. На колокольнѣ два бумажныхъ фонаря вѣтромъ раздуваются, покачиваются... Кучка маленькая народу по грязи шлепаетъ. Мальчишки забрались на колокольню, чтобы позвонить въ старый надтреснутый колоколъ... Перекликаются веселыми голосами. А кругомъ подъ развѣсистыми столѣтними березами закуталась сумракомъ тихая пажить смерти... Леталъ надъ ней безпріютный вѣтеръ и распѣвалъ свою заунывную пѣсню. Плакались березы, осѣняя истрадавшихся убогихъ, безвѣстныхъ, принявшихъ на себя только тяготы жизни и не извѣдавшихъ ея радостей...

И въ старой церковкѣ некрасно. Ни злато, ни серебро не блещетъ. Бѣдно, бѣдно. Почернѣвшіе лики стараго письма глядятъ. Утварь убогая. И богомольцевъ немного собралось. Все изможденные люди въ заплатахъ и рубищѣ. И въ великъ день покрасоваться имъ не въ чемъ. Обмыли грязь да копоть съ лица,—вотъ и весь нарядъ. Стоятъ тихо, покряхтываютъ, покашливаютъ, съ копѣечными свѣчками въ рукахъ...

Зазвонили за рѣкой. Басистые колокола мягкимъ, бархатнымъ тономъ заговорили дружно согласно, торжественно. Зарыдалъ и на кладбищенской колоколенкѣ надтреснутый колоколъ старческимъ голосомъ. Началась служба по чину какъ и слѣдуетъ...

Какъ сталъ отецъ Евтихій съ хоругвями да иконами послѣ обхожденія въ церковь входить, такъ и диву дается. Пошелъ ходомъ народу немного шло, а тутъ откуда только люди берутся. Словно темное море кругомъ всю церковь затопило. Толпа за толпой прибываетъ, толпа за толпой выростаетъ. Глядитъ по-малу вплотную вся церковь людьми набита, а за дверями тучей народъ стоитъ, помѣститься ему негдѣ. Думаетъ: неужто изъ города столько набралось? Служитъ отецъ Евтихій, поетъ своимъ старческимъ гласомъ и чувствуетъ, какъ оттаиваетъ его сердце. Радостно, свѣтло возглашаетъ онъ: Христосъ Воскресе! А темное море головъ и въ церкви и вокругъ ея также радостно шумятъ: во-истину воскресе!

Приглядывается отецъ Евтихій къ народу. Все люди простого званія. Одеженка плохая, бѣдная. Только лица необычно свѣтятся. И что-то знакомое усматриваетъ онъ среди молящихся. Точно гдѣ то, когда-то многихъ видывалъ онъ, знавалъ. И точно въ туманѣ радужномъ плывутъ передъ нимъ эти самыя опознанныя лица... Да, да... Это тѣ замученные нуждой бѣдняки съ „порядковъ", которыхъ онъ провожалъ на пажить смерти... Тѣ безвѣстные несчастные, которыхъ имена только единому Богу вѣдомы. Забвенные міромъ, они не забыты Солнцемъ Правды, Богомъ любви всеобъемлющей, всепрощающей... И вотъ они встали, они дышатъ, они торжествуютъ...

И страшно стало ему. И кажется ему будто тамъ за папертью розовѣетъ заря необычная, слитая изъ милліоновъ солнечныхъ круговъ и къ обремененнымъ, трудившимся нисходитъ Тотъ, Кто призывалъ ихъ. И голоса безчисленные, точно шелестъ листьевъ древесныхъ, наполняютъ землю: во-истину, во-истину воскресе!..

Разсказчикъ замолчалъ. Поѣздъ, разбрасывая волны мрака, приближался къ послѣдней станціи. Диски семафоровъ глянули въ наши окна. Всѣ засуетились и стали собирать свои пожитки.

М.

* * *

И тотчасъ подошелъ къ Іисусу сказалъ „Радуйся, Равви!"—и поцѣловалъ Его
(Отъ Мтѳ., гл. 26, ст. 49).

Лобзанья юноши, влюбленнаго тайкомъ
Въ красу жестокую измѣнчивой блудницы,
Прощаю и пойму. Пусть любитъ! Грѣхъ ли въ томъ:
Его лобзанія и страсть его—зарница.
Онъ молодъ, ослѣпленъ; онъ не сравнилъ еще
Любви застѣнчивой съ неискреннимъ искусствомъ;
Змѣиныя уста, безстыдное плечо
На время дороги его цвѣтущимъ чувствамъ.
Но свѣтлый часъ придетъ: прозрѣвшія мечты
Постигнутъ таинство любви неоцѣненной;
Любимой дѣвушки вѣнчальные цвѣты
Онъ станетъ цѣловать восторженно смущенный.
Я преклонюсь предъ тѣмъ, кто счастливъ лобызать—
Отчизнѣ возвращенъ—ея родную землю,
Кто за нее готовъ безъ жалобъ умирать:
Изъ вѣрныхъ устъ его я жизни цѣль пріемлю.
Но призираю я подъ кущами садовъ
Лобзанье хладное, предателя Іуду.
Я не забылъ, о, нѣтъ, двухъ лживыхъ тяжкихъ словъ,
Я такъ же, какъ и всѣ, ихъ вѣчно помнить буду!
Іуда цѣловалъ невиннаго Христа.
Онъ лаской осквернилъ чистѣйшія лилеи...
Погасли факелы, смущались фарисеи...
Увы! не дрогнули презрѣнныя уста.
Пусть онъ рыдалъ, свершивъ, раскаяньемъ волнуемъ;
Пусть умеръ... Смерть его не стоитъ чистыхъ мукъ
Распятаго за насъ. Былъ преданъ поцѣлуемъ
Его Господь, Учитель, Другъ!

Вл. Жуковскій.

Пасхальный обѣдъ у „тишайшаго“.

I.

Въ 1656-мъ году „тишайшій“ царь Алексѣй Михайловичъ принималъ въ своемъ дворцѣ прибывшаго въ Россію съ Дальняго Востока, для сбора пожертвованій на восточныя церкви, антіохійскаго патріарха Макарія, съ поднесеніемъ даровъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержцу.

Церемонія пріема невиданнаго дотолѣ на Руси высокаго духовнаго гостя—патріарха-араба—обставлена была высочайшею торжественностью.

Съ ранняго утра Москва, казалось, вся содрагалась отъ величественнаго звона колоколовъ всѣхъ „сорока сороковъ“ церквей столицы.

Къ патріарху, остановившемуся въ Кирилловскомъ монастырѣ съ своей свитой, присланы были изъ дворца ближайшіе сановники царя: бояринъ и дворецкій, князь Одуевскій, да стольникъ, князь Большой-Голицынъ, да стольникъ, князь Оболенскій.

Первый изъ нихъ обратился къ патріарху, чрезъ толмача, съ такой рѣчью:

— Благополучный государь царь, его пресвѣтлое величество, величайшій среди царей, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ, кланяется твоей святости и приглашаетъ твое блаженство, святой отецъ, киръ-киръ Макарій, патріархъ града Божія Антіохіи и странъ Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи и всего Востока, дабы ты благословилъ его и оказалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ.

Послѣ этой рѣчи Макарій, воздѣвъ руки къ небу, помолился за царя и, ведомый подъ руки княземъ Одуевскимъ и княземъ Большимъ-Голицынымъ, вышелъ къ стоявшей у монастырскаго крыльца царской золоченой каптанѣ. За нимъ слѣдовала свита, а впереди иподіаконъ несъ святительскій посохъ.

Усадивъ святителя въ каптану, царскіе посланцы получили благословеніе и откланялись, а у праваго крыла каптаны сталъ архимандритъ Антіохіи, у лѣваго-же—архидіаконъ. Торжественному поѣзду предшествовали 180 стрѣльцовъ съ стрѣлецкимъ головой и полуголовами, и каждый стрѣлецъ несъ по деревянному блюду съ подарками для царя и для всей царской семьи. Другіе стрѣльцы съ знаменами и значками стояли шпалерами по обѣ стороны пути отъ воротъ монастыря вплоть до дворца.

Кремлевскія площади, колокольни и крыши домовъ, равно и стѣны Кремля были залиты волнами москвичей.

— Арапы, арапы!—слышалось въ толпѣ подъ звонъ колоколовъ.—Черны, что мурины.

— Но и они православные?—Вишь, самъ-отъ благословляетъ... Въ клобукѣ.

— А у стрѣльцовъ-то что въ рукахъ?

— Дары на блюдахъ.

Каптана остановилась, наконецъ, у дворца. Святителя высаживаютъ и подъ-руки ведутъ „на верхъ“, въ пріемную палату.

„Тишайшій“ окруженный вдоль стѣнъ боярами, возсѣдалъ на тронѣ, надъ которымъ, на стѣнѣ, горѣла золотомъ и драгоцѣнными камнями старинная икона.

Патріархъ, войдя въ палату и оборотясь къ иконѣ, едва слышнымъ голосомъ, какъ учили его драгоманы,—говоритъ очевидецъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій—пропѣлъ по-гречески:

„Достойно есть, яко воистину блажити тя“...

Поклонившись царю, который, сойдя съ трона, приблизился къ патріарху съ непокрытой головой и поклонился до „земли“, святитель благословилъ его «по-московски,—поясняетъ очевидецъ,—на чело, грудь и плечи» и поцѣловалъ въ плечо. Царь-же поцѣловалъ владыку въ голову и облабызалъ его правую руку.

— Хвала Богу за благополучный твой пріѣздъ!—сказалъ царь чрезъ толмача.—Какъ ты, святитель, чувствуешь себя? Какъ твое здравіе? Какъ совершилъ путь?

— Благодареніе Господу, великій государь,—отвѣчалъ Макарій:—страна наша очень далеко, и уже три года, какъ мы отбыли отъ нашего престола и три года пребывали въ пути.

— Три года въ пути!.. Господи!—изумился царь и пригласилъ владыку сѣсть на высокое сѣдалище близъ трона, и самъ взошелъ на тронъ, не надѣвая короны, которую, какъ равно и посохъ, держали по сторонамъ его два царедворца.

Затѣмъ къ царю подошелъ ближній бояринъ и сталъ поддерживать правую руку „тишайшаго“ для цѣлованія ея лицами свиты патріарха.

Послѣ цѣлованія руки и принятія грамотъ отъ патріарховъ іерусалимскаго и константинопольскаго, Алексѣй Михайловичъ поднялся съ трона и съ чувствомъ проговорилъ:

— Ради тебя, святой отецъ, я прибылъ изъ похода, дабы видѣть тебя и получить твое благословеніе. Я вѣдаю твою святость и прошу тебя взывать ко Господу и молиться за меня и домъ мой.

— Я человѣкъ грѣшный,—смиренно отвѣчалъ патріархъ,—но молю, да дастъ Богъ тебѣ по сердцу твоему и по вѣрѣ твоей,—да даруетъ тебѣ побѣду, какъ Онъ даровалъ ее великому Константину, и да сдѣлаетъ имя твое вмѣсто автократора—монократоромъ, какъ именовался онъ, и да надѣлитъ тебя наслѣдствомъ его престола во-вѣкъ!

Наслѣдствомъ престола царя Константина!.. Престолъ Цареграда!..

Сердце «тишайшаго» исполнилось благоговѣйнаго страха... Возвратить Царьградъ православію!.. Отнять у невѣрныхъ святую Софію!..

Царь вторично, съ особеннымъ, благоговѣніемъ поцѣловалъ руку старца за его, быть можетъ, пророческія слова...

Въ это время въ пріемную палату вступили стрѣльцы съ дарами патріарха и стали въ рядъ. Тогда ближній бояринъ, принявъ первое блюдо съ дарами, передалъ его патріарху, а тотъ—царю.

Между тѣмъ думный дьякъ, принимавшій дары по записи, глядя въ эту запись возглашалъ:

— Патріархъ киръ Макарій антіохійскій подноситъ великому государю критскую икону Спасителя съ лозой, выходящей изъ лона Спасителя и несущей двѣнадцать учениковъ Его.

Царь, поцѣловавъ икону, передалъ ее князю Большому-Голицыну.

— Частицы Древа Креста Господня...

«Тишайшій» благоговѣйно лобызалъ и этотъ даръ.

— Кусъ Честнаго Камня съ Голгоѳы, обагренной кровію Господа нашего,—возглашалъ дьякъ.

— Панагія, въ коей образъ пророка Захаріи, вырѣзанный изъ кости сына его, святаго Іоанна Крестителя.

Еще съ большимъ благоговѣніемъ приложился царь къ этому дару.

Затѣмъ слѣдовалъ безконечный рядъ подношеній, большей частью грошевой стоимости.

— Кедры (фисташки) моченые и въ скорлупахъ... ладанъ.. манна... рожки сладкіе... изюмъ...

Царь,—поясняетъ очевидецъ,—понюхалъ фисташки и, удивляясь имъ, сказалъ:

— Какая это страна—Антіохія!—въ оной растутъ такіе плоды!

Послѣ этого начались безконечныя подношенія: царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ, царевнамъ Евдокіи, Марѳѣ и Аннѣ Алексѣевнамъ—всего сто восемьдесятъ подношеній!

По окончаніи подношеній патріархъ сказалъ:

— Велико твое царство, государь: пріими-же мое малое за большое.

— Воистину,—отвѣчалъ царь,—твое малое въ моихъ глазахъ стоитъ многихъ сокровищъ.

Тогда патріархъ всталъ, помолился на икону, вторично благословилъ царя, и „тишайшій“, взявъ святителя подъ руку, проводилъ почти до дверей.

II.

У „тишайшаго“ царя пасхальный обѣдъ.

Къ обѣду приглашены оба патріарха—антіохійскій Макарій и московско-всероссійскій—знаменитый Никонъ, «собинный другъ» царя.

Когда патріархи вступили въ столовую палату, Алексѣй Михайловичъ уже сидѣлъ за столомъ, весь уставленный золотой и серебряной посудой. При видѣ патріарховъ царь всталъ, снялъ съ головы корону и встрѣтилъ высокихъ гостей поклономъ.

Вмѣстѣ съ царемъ встали съ своихъ мѣстъ всѣ вельможи—духовные и свѣтскіе, для которыхъ поставлены были особые столы.

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...

— Христосъ анэсти экъ некронъ,—разомъ запѣли оба патріарха—одинъ по-славянски, другой—по-гречески.

По окончаніи пасхальнаго пѣнія и благословенія царя, послѣдній усадилъ патріарховъ за свой столъ. Тогда начали подходить къ царю всѣ приглашенные къ обѣду, кланялись «до земли» и разсаживались за своими столами по чинамъ.

Послѣ этого стольники стали подносить къ царю большіе продолговатые хлѣбы, которые вѣнценосный хозяинъ и разсылалъ всѣмъ трапезующимъ, по чинамъ.

Другіе стольники разносили гостямъ икру, а виночерпіи разливали вино по кубкамъ. Все это длилось чинно, степенно, точно совершалось богослуженіе.

Патріархамъ самъ царь подалъ по три кубка разомъ.

— Борисъ Ивановичъ!—возглашалъ стольникъ, принимая кубокъ изъ рукъ «тишайшаго»:—великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости!

— Князь Иванъ, княжъ сынъ Димитричъ!—возглашалъ другой стольникъ.

— Бояринъ, князь Ѳедоръ, княжъ сынъ Юрьичъ! — возглашалъ третій: — великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости!

Стольники, которыхъ было до трехъ-сотъ человѣкъ, блистали своими богатыми кафтанами, цвѣта голубой лиліи, золотомъ и жемчужнымъ шитьемъ съ самоцвѣтными камнями. Каждому изъ нихъ назначена была особая роль:—одни подносили хлѣбы, другіе—кубки съ напитками, и для каждаго напитка подавался новый кубокъ; третьи разносили блюда съ кушаньями.

— Князь Семенъ, княжъ сынъ Алексѣичъ!—великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости краснымъ яйцомъ!

— Бояринъ, князь Ондрей, княжъ сынъ Петровичъ!—великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости куличомъ!

— Бояринъ, князь Микита, княжъ сынъ Иванычъ!—великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости паскою!

Принимавшіе подношеніе вставали съ мѣста, кланялись и цѣловали подносимое.

„Всѣ берегли то—говоритъ очевидецъ—что присылалъ имъ царь, и отсылали домой, какъ великое благословеніе съ трапезы царя и отъ его милости“.

Самъ „тишайшій“ почти ничего не кушалъ, хотя блюда мѣнялись передъ нимъ каждую минуту. За то онъ усердно потчивалъ своего гостя, который поселилъ въ его душѣ гордыя надежды.

— „Изгнать агарянъ... возвратить церкви престолъ святаго Константина-царя... стать пятью своею на стогнахъ Царяграда“,—колотилось въ его душѣ.

Почти весь обѣдъ царь продолжалъ стоять, разсылая трапезующимъ царскую „ѣству“, а стольники—сновать отъ стола къ столу.

— Князь Василей, княжъ сынъ Микитичъ!—великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости лебедя!

— Бояринъ Петра Ильичъ!—великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости гуся!

— Князь Михайла, княжъ сынъ Петровичъ!—великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости утя!

Обѣдавшее-же за царской трапезой черное духовенство угощаемо было рыбой.

— Архиманритъ Филофей!—великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости осетра.

— Архиманритъ Питиримъ!—великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости шеврюгу!

„Всѣ эти кушанья разносили стольники,—говоритъ Павелъ Аллеппскій:—сорокъ-пятьдесятъ изъ нихъ вмѣстѣ бѣгомъ входили съ блюдами разныхъ видовъ кушанья, подходили къ царю, и онъ разсылалъ съ ними присутствующимъ, что продолжалось отъ начала до конца трапезы, такъ что мы много печалились, видя ихъ усталость, ибо они стояли на ногахъ съ начала до конца; но еще больше мы жалѣли царя, который совсѣмъ ничего не ѣлъ... У того стола, на которомъ было размѣщено множество кубковъ, стояли бояре, и одинъ изъ нихъ вмѣстѣ со служителями наполнялъ безпрестанно сосуды, кои и разносились присутствующимъ.

„Такъ продолжалось отъ послѣ полудня почти до полуночи, такъ что намъ стало невмоготу. Затѣмъ царь всталъ, и стольники начали подносить ему серебряные кубки съ виномъ. Сначала онъ подалъ ихъ патріархамъ, которые выразили ему свои благопожеланія, пѣвчіе-же пропѣли ему многолѣтіе. Потомъ царь раздавалъ кубки всѣмъ присутствующимъ собственноручно, каждому по кубку, ибо эта круговая чаша—за его здоровье и выпиваютъ ее въ знакъ любви къ нему. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ стоялъ подлѣ царя, поддерживая его правую руку, а всякій подходившій къ нему сначала кланялся до земли издали, затѣмъ приближался, цѣловалъ его руку и, принявъ чашу, возвращался назадъ, и выпивалъ ее, потомъ кланялся ему вторично и уходилъ къ своему мѣсту“.

Не легки были торжественные обѣды русскихъ царей до-петровской Руси!

Но и этимъ еще не кончались обѣденныя мученія.

По знаку дворецкаго, боярина и князя Одуевскаго, патріаршій архидіаконъ возгласилъ:

— Благовѣрной государынѣ царицѣ Маріи Ильишнѣ многая лѣта!

Всѣ стали съ мѣстъ и грянулъ хоръ патріаршихъ пѣвчихъ.

— Благовѣрному государю царевичу Алексѣю Алексѣевичу многая лѣта! - повторилъ архидіаконъ.

То-же громогласное многолѣтіе.

Снова царь собственноручно раздавалъ кубки—это уже вторая круговая чаша.

Затѣмъ послѣдовало многолѣтіе патріарху Никону.

И опять третья круговая чаша.

Многолѣтіе антіохійскому патріарху киръ-киръ Макарію.

Слѣдовала четвертая круговая чаша, которую уже раздавалъ Никонъ, а правую руку его поддерживалъ архидіаконъ.

Лишь около полуночи—продолжаетъ все тотъ-же очевидецъ—по благости всевышняго Бога, царь всталъ изъ-за стола. Оба патріарха прочли молитву. Протопопъ со своими товарищами-священниками и протодіаконъ съ товарищами вышли на середину, неся панагію въ чудесномъ серебряномъ вызолоченномъ сосудѣ съ ангелами кругомъ, поддерживающими красивое блюдо, на которомъ лежала панагія. Совершили надъ ней обычныя молитвы, и всѣ получили отъ нея частицу, послѣ того какъ архидіаконъ окадилъ присутствующихъ изъ вѣнцеобразной кадильницы съ ручкой.

„По прочтеніи послѣобѣденной молитвы, принесли сосуды и собрали въ нихъ куски, по монастырскому обычаю. Затѣмъ царь простился съ нашимъ владыкою-патріархомъ, сдѣлавъ ему поклонъ, а онъ его благословилъ. Царь назначилъ своихъ бояръ съ большими свѣчами проводить патріарха до нашего монастыря; всѣ-же министры и вельможи провожали его за ворота... Мы едва вѣрили, что прибыли въ свой монастырь, ибо погибали отъ усталости и стоянія. Но какого было положеніе царя, который оставался на ногахъ непрерывно около четырехъ часовъ, пока не роздалъ всѣмъ присутствующимъ послѣднія четыре круговыя чаши! Да продлитъ Богъ его дни и да возвеличитъ его знамена славой и побѣдой! Но не довольно ему было этого:—въ минуту нашего прибытія въ монастырь ударили въ колокола, и царь, и его бояре съ патріархомъ пошли въ соборъ, гдѣ служили вечерню и утреню и вышли только на зарѣ, ибо было совершено великое бдѣніе. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были поражены изумленіемъ при видѣ такихъ порядковъ, отъ которыхъ посѣдѣли-бы и младенцы“.

Таковы были пасхальные обѣды у „тишайшаго“ царя и таковы были желудки и нервы у почтенныхъ предковъ нынѣшнихъ москвичей.

„Вы, нынѣшніе, нутка!“

Двадцать пять лѣтъ назадъ.

(Объявленіе войны Турціи 12 апрѣля 1877 г.

12-го апрѣля исполнилось ровно 25 лѣтъ со времени объявленія Россіею войны Турціи въ 1877 году. Этимъ днемъ начинается цѣлый рядъ юбилейныхъ празднествъ въ нашей доблестной арміи. Поэтому будетъ вполнѣ своевременнымъ и далеко не лишнимъ вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ вспыхнула кровопролитная освободительная война 1877—78 годовъ, тѣмъ болѣе, что отголоски этой войны и до настоящаго времени все еще раздаются на Балканскомъ полуостровѣ... Послѣднія событія въ Македоніи и Албаніи невольно переносятъ насъ къ аналогичнымъ событіямъ 1875 года въ Босніи и Герцоговинѣ... Очевидно, Балканскій полуостровъ не переставалъ быть ареною борьбы славянскихъ народовъ за независимость, борьбы съ 1878 года, хотя и не открытой, но тѣмъ не менѣе борьбы настойчивой и упорной...

Въ началѣ 1875 года въ газетахъ появились извѣстія о волненіяхъ въ Герцоговинѣ. Сначала этимъ волненіямъ не придали никакого значенія: мало ли гдѣ волнуются?.. Но волненія эти къ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе и наконецъ приняли характеръ открытаго возстанія; появились извѣстія о крупныхъ вооруженныхъ столкновеніяхъ возставшихъ славянъ съ регулярными турецкими войсками. Становилось очевиднымъ, что здѣсь рѣчь идетъ о существованіи цѣлаго народа..

По Россіи разнеслась роковая вѣсть: турки вырѣзываютъ православное населеніе Болгаріи...

Взрывъ негодованія охватилъ весь русскій народъ. Сочувствіе къ судьбѣ единовѣрныхъ и единокровныхъ народовъ Балканскаго полуострова проникло въ самые глухіе отдаленные уголки Россіи. Отовсюду начали стекаться денежныя пожертвованія; появились добровольцы...

Между тѣмъ возстаніе распространилось по всему Балканскому полуострову. Въ борьбѣ за независимость приняли участіе Сербія, Черногорія...

Пожаръ охватилъ весь полуостровъ.

Теперь, черезъ 25 лѣтъ, читатель вправѣ требовать полнаго и безпристрастнаго отчета о событіяхъ 1875—78 годовъ. Пользуясь только что изданнымъ къ юбилейнымъ днямъ главнымъ штабомъ „Описаніемъ войны 1877—1878 годовъ,“ (*) я въ краткихъ словахъ приведу здѣсь причины войны 1877—78 г.г. и положеніе Россіи къ ея началу.

То и другое является исходнымъ пунктомъ для выясненія разыгравшихся затѣмъ событій.

Причины возстанія герцеговинцевъ извѣстны—это аграрныя условія и религіозный фанатизмъ. Экономическое положеніе мѣстнаго сельскаго населенія было тяжелое; народъ всецѣло находился въ рукахъ омусульманившагося передового сословія—дворянъ. Крѣпостного права хотя и не существовало съ 1861 года, но отношенія бывшихъ помѣщиковъ къ сельскому населенію желали многаго... Возставшіе начали нападать на масульманскія села и расположенные въ провинціи отряды турецкихъ войскъ и этимъ вызвали со стороны послѣднихъ кровавое возмездіе...

Европейскія державы обратились къ оттоммаскому правительству съ коллективнымъ предложеніемъ покончить дѣло съ возставшимъ населеніемъ Босніи и Герцоговины болѣе мягкими мѣрами. Турецкое правительство согласилось и объявило инсургентамъ амнистію и вмѣстѣ съ этимъ обнародовало и реформы, которыя Турція обѣщалась ввести въ своихъ славянскихъ провинціяхъ.

(*) Пока вышли изъ печати только 1 и 2 томы. Сочиненіе это, долженствующее занять выдающееся мѣсто въ военной литературѣ, переводится на иностранные языки.

Примѣчаніе автора.

Но инсургенты не вѣрили этимъ обѣщаніямъ, и восстаніе продолжало распространяться. Въ Болгаріи дѣйствовали эмиссары болгарскаго революціоннаго комитета, засѣдавшаго въ Бухарестѣ, и достигли того, что восстаніе перешло въ Болгарію. Мусульманское населеніе, защищая свои вѣковыя привилегіи, также взялось за оружіе...

—ъ.

(Окончаніе будетъ).

ХРОНИКА.

Въ министерство финансовъ губернскимъ начальствомъ представлено было ходатайство нижегородскаго губернскаго земскаго собранія по вопросу объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія между казною и земствомъ поземельныхъ сборовъ. Г. министръ финансовъ на-дняхъ увѣдомилъ г. губернатора, что онъ призналъ возможнымъ удовлетворить ходатайство земскаго собранія объ обезпеченіи земствамъ болѣе равномѣрнаго притока денежныхъ средствъ.

Съ этой цѣлью министръ предложилъ казенной палатѣ исчислять на будущее время долю земства въ первомъ полугодіи съ такимъ разсчетомъ, чтобы изъ назначенныхъ къ поступленію въ частные сроки перваго полугодія упомянутыхъ поземельныхъ сборовъ (съ крестьянскихъ земель), на земскій сборъ пришлось не менѣе половины годового оклада,—съ тѣмъ, что возмѣщеніе обусловливаемаго этою мѣрою ущерба казны будетъ достигаться соотвѣтственнымъ пониженіемъ доли земства во второмъ полугодіи.

Въ виду состоявшагося постановленія объ открытіи въ началѣ нынѣшняго лѣта дѣтской колоніи для наиболѣе слабыхъ и неимущихъ городскихъ дѣтей, правленіемъ секціи гигіены воспитанія и образованія открытъ сборъ пожертвованій. Пожертвованія принимаются предсѣдателемъ секціи д-ромъ Н. А. Граціановымъ (Болотовъ пер., домъ № 12) и въ редакціи „Волгаря".

Въ засѣданіи городской санитарной комиссіи 8 апрѣля обсуждался вопросъ объ оздоровленіи Окскаго затона, по ходатайству жителей Кунавина, которые просятъ сдѣлать затонъ проточнымъ, въ виду того, что ярмарочное управленіе съ устройствомъ канализаціи гостинаго двора будетъ спускать нечистоты въ затонъ еще больше, чѣмъ до сихъ поръ. Санитарная комиссія, признавая проточность затона необходимымъ условіемъ оздоровленія, единогласно высказалась въ то-же время, что городскому управленію необходимо порществовать противъ спуска ярмаркой нечистотъ въ Окскій затонъ.

Въ ночь на 2 апрѣля у зданія Похвалинскаго элеватора произошелъ оползень.

Правленіемъ общества Московско-Казанской желѣзной дороги возбуждено ходатайство о включеніи открывающейся городской станціи въ Нижнемъ-Новгородѣ подъ наименованіемъ „Нижній-Городъ" въ прямое сообщеніе со всѣми станціями русской рельсовой сѣти.

Нижегородской полиціей получено сообщеніе изъ г. Риги о томъ, что при обработкѣ въ Ригѣ волоса, купленнаго на послѣдней нижегородской ярмаркѣ, заразилось 12 человѣкъ сибирской язвой, изъ которыхъ трое умерло. Нижегородской полиціей приняты мѣры къ выясненію, отъ кого именно былъ пріобрѣтенъ для отправки въ Ригу зараженный волосъ.

Въ виду разрѣшенія департамента окладныхъ сборовъ увеличить на будущее время процентное отчисленіе въ пользу земства изъ вносимыхъ сельскими обществами поземельныхъ сборовъ за первую половину года, нижегородскою казенною палатою опредѣлены слѣдующіе проценты этого отчисленія на первую половину текущаго года:

Для нижегородскаго уѣзда:

	въ губернскій сборъ 55%,	въ уѣздный 45%
— Ардатовскаго	15%	27%
— Балахнинскаго	12%	19%
— Арзамасскаго	38%	62%
— Васильскаго	34%	52%
— Горбатовскаго	14%	35%
— Княгининскаго	28%	48%
— Лукояновскаго	44%	56%
— Макарьевскаго	28%	69%
— Семеновскаго	19%	39%
— Сергачскаго	46%	54%

11 апрѣля, въ 10 ч. веч., на заводѣ изразцовыхъ издѣлій ниж. купца И. А. Костина, въ Канавинѣ, произошелъ пожаръ. Пожаръ начался въ изразцовомъ отдѣленіи завода. По окончаніи пожара, прекращеннаго пожарной командой, найденъ трупъ крестьянина (рабочаго) звенигородскаго уѣзда, С. М. Сорокина. Убытокъ отъ пожара простирается до 20000 р., заводъ застрахованъ въ 5000 р. въ обществѣ „Якорь".

12 апрѣля, около Сормова вслѣдствіе ледохода произошла аварія со стоявшими на якорѣ судами. Всего было около 150 судовъ. Ледъ, шедшій по Волгѣ, пошелъ сплошной массой прямо на караванъ, и послѣдній прижало къ берегу. Напоромъ льда повреждены слѣдующія суда: Чернонебова, Сироткина, Таракѣева, Землянова, Замыслова, нефтекачка сормовскихъ заводовъ, баржи Хлѣбникова, Кожебаткина, Милютина, Бычковой, Сироткина, Четвергова, Орѣхова, Дембота.

КЪ ЮБИЛЕЮ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля ей, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

12 апрѣля исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти русскаго поэта В. А. Жуковскаго.

Съ этого дня его чудныя произведенія, полныя задушевности, его плѣнительныя пѣсни сдѣлаются достояніемъ всей грамотной Руси. Воспитательное значеніе поэзіи Жуковскаго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и можно только пожалѣть, что произведенія его такъ мало распространены у насъ среди читающей публики, въ особенности юношества. Въ дѣлѣ воспитанія они могли бы служить лучшимъ противовѣсомъ грубымъ матеріалистическимъ стремленіямъ, къ сожалѣнію, такъ рано отравляющимъ душу и сердце многимъ изъ подрастающаго поколѣнія.

„Въ своихъ задумчивыхъ и грустныхъ пѣсняхъ поэтъ открываетъ намъ лучшія стороны своей прекрасной души, свои святыя мечты, свои радости и горести, и открываетъ съ такою искренностью и задушевностью, что читатель невольно отдается во власть его плѣнительныхъ пѣсенъ, раздѣляетъ съ нимъ его задушевныя мысли, грустить и утѣшается вмѣстѣ съ нимъ и призадумывается надъ самимъ-собой, надъ жизнію своей собственной души. Значеніе поэзіи въ дѣлѣ воспитанія прекрасно опредѣлилъ самъ Жуковскій, когда сказалъ: „поэзія и жизнь—одно. Поэзія есть добродѣтель, земная сестра небесной религіи, свѣтлолучезарный маякъ, зажженный Самимъ Создателемъ, чтобы мы не сбились съ пути во тьмѣ житейскихъ бурь; поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли".

Заслуги Жуковскаго передъ родиной, его роль въ исторіи русской литературы пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, если мы вспомнимъ, что онъ первый, своими чудными, неподражаемыми переводами, познакомилъ русское общество съ произведеніями всемірной литературы. Его муза, можно сказать, облетѣла весь свѣтъ; произведенія индѣйской, персидской, греческой, римской, англійской и, главнымъ образомъ, нѣмецкой поэзіи, благодаря Жуковскому, сдѣлались достояніемъ русскаго общества. Бѣлинскій такъ опредѣляетъ значеніе Жуковскаго: „Трепетъ объемлетъ душу при мысли о томъ, изъ какого ограниченнаго и пустого міра поэзіи въ какой безконечный и полный міръ ввелъ онъ нашу литературу: какимъ содержаніемъ обогатилъ и оплодотворилъ ее посредствомъ своихъ переводовъ!"

Жуковскаго нельзя назвать, собственно, переводчикомъ: въ выборѣ пьесъ для перевода онъ руководствовался не однимъ безотчетнымъ влеченіемъ, но какъ будто началомъ; онъ вездѣ искалъ своего и, находя, переводилъ... Стихъ Жуковскаго такъ легокъ, прозраченъ, тепелъ, прекрасенъ, что, благодаря ему, вы можете прочесть отъ начала до конца „Наль и Дамаянти", индѣйскую поэму съ нѣмецко-романтическимъ колоритомъ къ совершенному вашему удивленію, несмотря на то, что привыкли требовать отъ поэзіи пищи не одному вашему чувству или одной фантазіи, но и уму.

Не нужно забывать, что Жуковскій первый пріучилъ русское общество къ чтенію, заставилъ его любить и уважать родную поэзію. Про него недаромъ сказано, что „онъ былъ первый у насъ запѣвало всѣхъ тѣхъ славныхъ пѣвцовъ, которые волшебными звуками очаровывали слухъ нашъ и облекли въ эти плѣнительные звуки всѣ завѣтныя думѣ нашего ума и сердца". Самъ великій Пушкинъ называлъ себя ученикомъ Жуковскаго, и справедливо то мнѣніе, что безъ Жуковскаго не могъ бы явиться и Пушкинъ. Онъ своими стихами проложилъ дорогу и Пушкину, и Лермонтову, а за ними и другимъ роднымъ поэтамъ.

Да, велика, неизмѣримо велика заслуга Жуковскаго въ русской литературѣ!

Когда № былъ сверстанъ, получилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

Министръ народнаго просвѣщенія генералъ отъ-инфантеріи Ванновскій уволенъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена государственнаго совѣта.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ, тайный совѣтникъ Мѣщаниновъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности товарища министра, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Зенгеръ назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Въ „Правит. Вѣстн." опубликованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя генерала-отъ-инфантеріи Ванновскаго:

„Петръ Семеновичъ, призывая васъ къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я руководился увѣренностью, что опытъ и знанія въ области воспитанія юношества, входившаго въ кругъ вашей многолѣтней военной и государственной дѣятельности, помогутъ вамъ въ осуществленіи задачи, Мною вамъ довѣренной. Нынѣ, по разстроенному отъ усиленныхъ трудовъ здоровью, вы обратились ко Мнѣ съ просьбой объ увольненіи васъ отъ должности, Мною на васъ возложенной; снисходя, съ сожалѣніемъ, къ вашей просьбѣ и увольняя васъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ сохраненіемъ всѣхъ прочихъ должностей и званій, Я въ то же время изъявляю вамъ Мою искреннюю благодарность за преданность вашу Мнѣ, побудившую васъ, не взирая на преклонные ваши годы, принять на себя столь трудную дѣятельность. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „и глубоко уважающій васъ *Николай*".

Содержаніе № 16.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА.

Извлеченіе изъ отчета за 1901 годъ.

Счетъ прибылей и убытковъ.

КРЕДИТЪ.

°/₀ по операціямъ:

Получено по операціямъ учета и ссудъ, за исключеніемъ отчисленныхъ на 1902 годъ	119804 р. 15 к.
Счетъ комиссіи	1675 „ 97 „
°/₀ разные	7467 „ 11 „
Прибыль въ возвратъ списанныхъ долговъ	1761 „ 68 „
	130708 „ 91 „

ДЕБЕТЪ.

°/₀, выданные и отчисленные для выдачи:

по °/₀ вкладамъ	56690 р. 61 к.	
„ текущимъ счетамъ	14838 „ 64 „	71529 р. 25 к.
°/₀, уплаченные по специальнымъ счетамъ въ Банкахъ		18 р. 66 к.
Текущіе расходы за 1902 годъ		29678 „ 21 „

Протестованные векселя:

Причислено къ убыткамъ 1901 года	5190 „ — „
Чистая прибыль за 1901 годъ	24292 „ 79 „
	130708—91 „

Балансъ къ 1-му января 1902 года.

АКТИВЪ.

Касса (государст. кредит. билеты и размѣн. монета)	27480 р. 73 к.
Текущіе счета въ Банкахъ	67662 „ 20 „
Учтенные векселя	1177814 „ 81 „
Ссуды подъ залогъ °/₀ бумагъ	168540 „ — „
Спеціальные текущіе счета членовъ подъ обезпеч. °/₀ бумагъ	488518 „ 64 „
°/₀ бумаги запаснаго капитала	67547 „ 21 „
Гербовый сборъ и вексельная бумага	537 „ 15 „
Текущіе расходы, перешедшіе на 1902 г.	500 „ — „
Расходы, подлежащіе возврату	2672 „ 84 „
	2001273 „ 58 „

ПАССИВЪ.

Оборотный капиталъ, состоящій изъ 10°/₀ членскихъ взносовъ	280405 р. — к.
Запасный капиталъ	67549 „ 02 „
„ дивидендъ	21231 „ 49 „
Вклады:	
На обыкновенные текущіе счета	336181 „ 15 „
„ условные	50652 „ 79 „
„ срочные	1123783 „ 24 „
„ безсрочные	7775 „ — „
Спеціальный счетъ подъ перезалогъ °/₀ бумагъ	18 „ 66 „
Невыплаченный дивидендъ	19769 „ 90 „
°/₀, подлежащіе уплатѣ по °/₀ вкладамъ	25653 „ 15 „
10°/₀ взносы выбывшихъ членовъ, не взятые ими въ указанный уставомъ срокъ	9100 „ — „
Полученные проценты и коммиссія	18760 „ 58 „
Прибыль Общества за 1901 годъ	24292 „ 79 „
Переходящія суммы	11565 „ 58 „
Государственный 5°/₀ сборъ съ доходовъ	3576 „ 71 „
Касса служащихъ	958 „ 52 „
	2001273 „ 58 „

Извлеченія изъ протокола Общаго Собранія, состоявшаго 17 марта 1902 г.

Собраніемъ постановлено:

Утвердить отчетъ Правленія за 1901 г.; прибыль за истекшій годъ, въ количествѣ 24292 руб. 79 коп., распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Согласно § 69 устава, въ запасный капиталъ	2429 р. 27 к.
Согласно тому-же § въ кассу служащихъ	485 „ 84 „
Въ силу постановленія предъидущаго Собранія въ вознагражденіе членамъ Правленія и награду служащимъ въ Правленіи	2970 „ — „
Въ выдачу членамъ дивиденда въ размѣрѣ 7°/₀ и не пользующимся дивидендомъ процентовъ по разсчету изъ 3°/₀ годовыхъ	18902 „ 68 „
Причемъ недостающую до указаннаго размѣра сумму	495 „ — „

отчислить изъ запаснаго дивиденда.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка

Къ 1-му Марта 1902 года.

АКТИВЪ.	ИТОГО. Рубли.	Коп.
Касса (государственные кредитные билеты и размѣнная монета)	5.070,810	27
Текущіе счета:		
1) Условный въ Гос. Банкѣ, его контор. и отдѣлен.	5.425,950	08
2) въ Частныхъ Банкахъ	27,175	56
Учетъ векселей, имѣющихъ не менѣе 2 подписей *)	67.396.037	46
Учетъ вышедшихъ въ тиражъ цѣнныхъ бумагъ и текущихъ купоновъ	2,800	70
Учетъ соло-векселей съ обезпеченіемъ: паями, акціями, облигаціями и закладными листами, Правительствомъ не гарантиров.	198,400	—
Учетъ торговыхъ обязательствъ	6,760	—
Ссуды подъ залогъ: **)		
1) государственныхъ и Правительствомъ гарантированныхъ цѣнныхъ бумагъ	21.058,220	28
2) паевъ, акцій, облигацій и закладныхъ листовъ, Правительствомъ не гарантированныхъ	33.601,036	77
3) товаровъ	953,170	44
Принадлежащія банку ассигновки горныхъ правленій, золото, серебро, тратты и векселя на заграничныя мѣста	131,956	14
Цѣнныя бумаги, принадлежащія банку:		
1) государственныя и Правительствомъ гарантированныя ***)	6.647,802	88
2) облигаціи и закладные листы, Правительствомъ не гарантированные	1.446,848	53
3) °/₀ бумаги благотворит. капиталовъ	54,985	38
Счетъ Банка съ отдѣленіями его	4.561,744	10
Корреспонденты банка:		
1) по ихъ счетамъ (loro):		
а) кредиты подъ обезпеченіе:		
бумагами гарантированными	92,058	58
бумагами негарантированными	652,592	65
торговыми обязательствами	1.735,160	63
товарами	840,069	58
б) бланковые кредиты	1.426,184	44
2) по счетамъ банка (nostro):		
а) свободныя суммы въ распоряженіи банка	1.109,248	14
б) векселя у корреспондентовъ	4,923,258	05
Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ по порученіямъ	183,507	05
Протестованные векселя 1901 года	297,684	21
„ „ сего года	19,350	—
Государственный промысловый налогъ	348,377	07
Текущіе расходы 1901 г.	172.948	15
„ „ сего года	1.317,831	95
Расходы, подлежащіе возврату	21,144	20
Недвижимое имущество	1.957,500	—
Переходящія суммы	169.738	31
Векселя, принятые на комиссію	13.923,210	94
ИТОГО	175.773,562	54

ПАССИВЪ.		ИТОГО. Рубли.	Коп.
Складочный капиталъ (40.000 акцій по 250 р.)		10.000,000	—
Запасный капиталъ		4.316,142	60
Запасный дивидендъ		2.323,629	51
Капиталъ для возмѣщенія суммъ, употребленныхъ на пріобрѣтеніе домовъ		656,390	51
Счетъ благотворительныхъ капиталовъ		55,000	—
Вклады:			
1) на текущіе счеты:			
а) обыкновенные		64.571.326	29
б) условные		6.478,523	09
2) безсрочные		2.810,638	56
3) срочные		42.636,977	20
Корреспонденты банка:			
1) по ихъ счетамъ (loro):			
а) свободныя суммы въ распоряженіи корреспондентовъ		6.849,174	57
б) векселя на комиссіи		16.046,553	20
2) по счетамъ банка (nostro):			
Суммы, остающіяся за банкомъ		1.066,507	34
Счетъ банка съ отдѣленіями его		7.502,480	70
Невыплаченный по акціямъ банка дивидендъ		13.201	50
Проценты, не выплаченные по вкладамъ и текущимъ счетамъ		1,196,978	52
Счетъ проц. и комиссіи за 1901 г.	9.186,406 73		
Проц., исчис. по вкл. и тек. сч. за 1901 г.	3.845,261 45		
	5.341,145 28	5.341,145	28
Счетъ проц. и коммис. за сей годъ	2.216,217 91		
Проц., исчисл. по вклад. и тек. счет.	633,087 —		
	1.583,130 91	1.583.130	91
Переходящія суммы		2.325,762	94
ИТОГО		175.773,562	54
Вклады на храненіе ****)		15.809,770	50
Цѣнности на храненіе въ депо отъ корресп. и комитен.		16.124,905	08

*) Въ томъ числѣ выдачи по сп. сч. (on call) подъ векс.	3.677.999	39
**) „ „ „ „ „ „ „ °/₀ бум. и др. цѣн.	44.638,258	49
***) Въ томъ числѣ помѣщено суммъ запаснаго капитала на	4.316,142	60
****) Въ томъ числѣ °/₀ бумаги, принадлежащія Пенсіонно-Вспомогательной кассѣ служащихъ банка	1,777,900	—

Правленіе Банка въ С.-Петербургѣ и Отдѣленія: въ Астрахани, Баку, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Казани, Кіевѣ, Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Оренбургѣ, Перми, Ростовѣ-на-Дону, Рыбинскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Сызрани, Ташкентѣ, Уфѣ, Харьковѣ и Царицынѣ.

ВЪ НИЖЕГОРОДСКОМЪ

ГОРОДСКОМЪ ЛОМБАРДѢ

28 апрѣля 1902 года, съ *11* часовъ утра, назначена аукціонная продажа просроченныхъ золотыхъ, серебряныхъ вещей, носильнаго платья и проч., заложенныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1901 года и ранѣе подъ нижеслѣдующими №№: 44703, 44711, 44724, 43465, 44755, 40353, 39972, 40105, 40280, 44837, 44838, 44839, 44846, 42050, 44863, 44877, 40954, 44887, 44900, 40327, 44905, 44907, 44422, 40124, 44951, 44967, 40116, 40758, 44974, 44977, 44982, 45019, 45020, 45034, 45035, 45036, 45045, 45050, 45066, 40506, 45077, 45078, 45079, 37179, 37142, 40865, 37183, 37180, 37181, 37184, 40864, 41000, 45117, 37519, 45150, 45155, 45158, 45164, 45167, 45184, 44255, 37151, 45191, 45199, 45203, 45204, 45215, 45217, 45218, 45229, 39682, 41032, 42866, 36613, 42254, 45232, 45236, 45237, 45238, 45271, 45274, 42287.

ДОВѢРЕННОСТЬ,

выданную мною горбатовскому мѣщанину Ивану Александрову Абрамову на управленіе моимъ домомъ по Нижегородско-Владимірскому шоссе и на веденіе судебныхъ дѣлъ, явленную въ конторѣ нижегородскаго нотаріуса Афанасьева 1901 г. іюня 20 дня,— симъ УНИЧТОЖАЮ.

Крестьянка балахнинскаго уѣзда, дерев. Высокова,

3—3 *Ульяна Герасимова Шишкина.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„НИЖЕГОРОДСКИХЪ губ. ВѢДОМОСТЕЙ“.

Съ 1-го января 1902 года неоффиціальная часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей“ будетъ выходить еженедѣльно по такой же обширной программѣ, какъ это было въ прошломъ 1901 году. Въ эту программу войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи по мѣстнымъ, общественнымъ, а также педагогическимъ, экономическимъ, санитарно-гигіеническимъ и др. вопросамъ.
2) Телеграммы (выдающіяся по своему содержанію) Россійскаго Телеграфнаго Агентства.
3) Вѣсти изъ столицъ.
4) Хроника городской, ярмарочной и губернской жизни.
5) Театральныя замѣтки.
6) Корреспонденціи.
7) Сельско-хозяйственный отдѣлъ.
8) Медицинскій отдѣлъ.
9) Вѣсти изъ Волжско-Камскаго края.
10) По Россіи.
11) По Сибири.
12) Разныя извѣстія.
13) Изъ газетъ и журналовъ.
14) Новости науки, литературы и искусства.
15) Иностранныя извѣстія.
16) Библіографія.
17) Судебная хроника.
18) Торгово-промышленныя свѣдѣнія.
19) Полезныя свѣдѣнія.
20) Смѣсь.
21) Справочный отдѣлъ.
22) Фельетонъ: беллетристическія произведенія въ прозѣ и стихахъ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя произведенія, этнографическіе и историческіе очерки; научный фельетонъ и проч.
23) Иллюстраціи.
24) Объявленія и рекламы.

«Нижегородскія Губ. Вѣдомости» будутъ выходить 1 разъ въ недѣлю, по средамъ, въ объемѣ отъ 10 до 20-ти страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой въ Н.-Новгородѣ и пересылкой въ другіе города: за полное изданіе (*оффиціальная и неоффиціальная часть*) на годъ **6 руб.**, на полгода **4 руб.**, за одну оффиціальную или неоффиціальную часть на годъ по **4 руб.**, на полгода по **2 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ типографіи губернскаго правленія и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

Редакторъ неоффиціальнаго отдѣла *Г. П. Демьяновъ.*

Адресъ редакціи: Кремль губ. типографія.

Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.